

Ващенко Ю. А.,

кандидат філологічних наук, доцент,

доцент кафедри історії зарубіжної літератури і класическої філології

Харьківського національного університету імені В. Н. Каразіна

БЕСТИАРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ МОРТАЛЬНОЙ ТОПИКИ РОМАНА А. ВОЛОДИНА «ДОНДОГ»

Аннотация. В статье исследована бестиарная поэтика романа-дистопии А. Володина «Дондог». Установлено, что зооморфные образы выступают частью мортальной топики романа и семантически апеллируют к мифологии «нижнего мира» (тараканы и другие насекомые, крысы, вороны, волки), воплощая концепты «неподвижности», «омертвления», «не-жизни», «смерти».

Ключевые слова: Антуан Володин, «Дондог», постмодернистская дистопия, бестиарная поэтика, мортальные мотивы, антропозооморфизация.

Постановка проблемы. Творчество Антуана Володина (род. 1950 г.), вобравшее традицию Ф. Достоевского, Ф. Кафки, А. Арто и сюрреализма, Е. Замятина, А. Платонова, Б. Пильняка, В. Шаламова, А. Солженицына, В. Пелевина, занимает особую нишу в пространстве современной французской литературы. «Особость» определяется установкой А. Володина «писать по-французски иностранную литературу» [1] (свой метод он называет «постэкзотизмом»), что означает для него возможность вырваться за национальные и культурные границы и выразить в художественной форме общую для всех историю XX века. Ее трагические и кровавые события (мировые войны, пролетарские революции, концлагеря и этнические чистки, массовые убийства) проступают сквозь фантазмагорические мутации хронотопа и осмысливаются в параметрах постмодернистской антиутопии XXI в. (дистопии), которая заявляет новые позиции «через изменение структуры персонажей, (...) углубление трагизма в положении личности, которая утрачивает классическую «персоналистичность» (...). Персонажами становятся «минус-люди» (монстры, оборотни, мутанты), (...)» [2]. Пожалуй, наиболее точной жанровой атрибуцией володинской дистопии будет *какотопия* – не только «дурное, плохое место», но и «мертвое» («какос» по-гречески еще и «мертвый»), «место, где жизнь невозможна», или «место, где нет жизни» [3, с. 207]. Показателен в этом отношении роман «Дондог» [4] (2002 г., русск. пер. 2010 г. [5]), центральное звено романного триптиха, в который также вошли романы «Малые ангелы» (1999 г.) и «Бардо от нот Бардо» (2004 г.), персонажи которого пребывают на грани жизни и смерти, а их личностной расщепленности вторит неопределенность биологического статуса.

Проза А. Володина в последнее десятилетие пребывает в эпицентре литературоведческого внимания как во Франции (М. Ламарр [6], А. Рош [7], И. Рюф [8], Л. Рюффель [9] и др.), так и за ее пределами (Е. Дмитриева [10], В. Пестерев [11] и др.). Французские исследователи А. Рош [7] и Л. Рюффель [9] актуализируют бестиарную проблематику романов писателя и сходятся в оценке тотальности володинской анималистики (которая «вездесуща», пронизывает «множество уровней») [9, с. 256]. Но если А. Рош пессимистически констатирует «завершение «животного становления» (термин Делеза), «ниве-

лирование границы между существом человеческим и животным» [7], то Л. Рюффель отмечает оппозицию «человеческого» и «не-человеческого», в которой «нечеловеческое» воспринимается как позитивная поведенческая модель [9, с. 256]. Концепция А. Володина, на наш взгляд, амбивалентна, и анализ романа «Дондог» позволит это продемонстрировать. Особого внимания заслуживает не изучавшаяся ранее проблема связи бестиарной образности с доминирующей в романах А. Володина мортальной топикой. В литературе постмодернизма, как отмечает Н. Лихина [12], бестиарный мотив часто является логическим компонентом эсхатологического плана; типологизирует разработку мифа, выступает смыслообразующим компонентом в антиутопии [12, с. 151].

Очевидная значимость и богатейший репертуар бестиарной мотивики (тараканы, птицы, крысы, ящерицы, волки и другие животные), а также ее включенность в «мортальный» дискурс определяет цель исследования – изучение образных градаций и художественных функций зооморфизмов как части мортальной топики романа А. Володина «Дондог».

Изложение основного материала исследования. Специфической чертой володинского «постэкзотима» является особая роль мортальной тематики: писатель активно использует понятия циклической судьбы, смерти – не-смерти (*non-mort*), жизни – не-жизни (*non-vie*), переселения душ, реинкарнации. Один из важнейших «претекстов» романа «Дондог» (как и романа «Бардо от нот Бардо») – тибетская «Книга мертвых» («Бардо Теодоль»), где Бардо – туннель, сквозь который умерший должен пройти в течение 49 дней – перед тем, как возродиться и перевоплотиться. Все это время он сражается с препятствиями, его преследуют страшные видения и сопровождает голос шамана, читающего ему книгу «Бардо Теодоль».

Состояние персонажа А. Володина, бывшего узника лагерей Дондога Бальбаяна (временами он становится Шлюмом, Габриэлой Бруной, Тохтагой Узбегом), и время-пространство романа – это зона между мертвенной жизнью и смертью, вернее, между смертью и окончательным небытием (но также между нормой и безумием, культурой и природой, человеком и животным).

«Пространство смерти» володинской дистопии, этой «размеченной колючей проволокой вселенной» [5, с. 259], где «лагерная система распространилась на все континенты» [5, с. 232], «отталкивает личность, деперсонифицирует ее, выхолащивая человеческое, пробуждая, с одной стороны, звериные инстинкты насилия и жестокости, а с другой – послушания, подчинения, ибо только это ведет к физическому самосохранению» [3, с. 203] («... у меня отшибло последние рудименты неповиновения», – признается герой [5, с. 256]). В. Шаламов описывает парадоксальное «состояние за-человечности», «смерти при жизни», до которого биологически были доведены люди не-

моверным давлением насилия, голода, мороза и убийственно-го труда – еще живые, но уже умершие, превращенные в вещи [13, с. 60]. Поэтологически это реализуется посредством зооморфизации, «уподобления животному как средство обретения идентичности в ситуации уже назревшего конфликта человека с социумом» [14, с. 69].

Дондог – существо, раздавленное колесом истории, выброшенное за границы нормального существования, «недочеловек», человек-таракан, в русском переводе – «таркаш». Во французском языке есть два слова, обозначающих таракана, – «safari» и более редкое «blatte». Как предполагает переводчик романа, А. Володин услышал за этим русское «блатной», и все обитатели его лагерей превратились в «блатных тараканов», таркашей [15, с. 347–348]. Мир лагерей при этом отождествляется с миром смерти: *«Лагеря – это для таркашей и мертвецов»* [5, с. 183].

Самоидентификация героя также происходит через отождествление со смертью: «Меня зову Дондог Бальбаян. Я скоро умру. Вот кто я такой» [5, с. 19]. Внешнее движение романа определяется мотивом мести («У меня не так уж много времени, от силы несколько дней, но прежде чем умереть окончательно, хотелось бы свести счеты с двумя-тремя типами» [5, с. 15]). Но подлинный его сюжет – авантюра письма на грани жизни-смерти, сочинение (через шепот и бормотание) автобиографии-мортиролога, онирическое странствие в пространстве индивидуальной памяти, вбирающей коллективный исторический опыт. Дондог, «(...) пока не умрет сам или, (...), чуть позже, в течение предшествующих полному угасанию темных дней» [5, с. 83], пробирается сквозь Черный коридор, предсмертный туннель, открывающийся жерлом мусоропровода: «(...) разило трущобами, в которых пытались выжить отребье низших рас, смердело крысиной мочой, разложением, гнусной старостью почти любой вещи» [5, с. 9].

Зооморфные мотивы в романе «Дондог» неразрывно связаны с мортальной топикой. Так, маркером «не-жизни» выступает образ *крыс*, обитателей подземного «мира смерти», «Черного коридора»: «(...) среди смрада, ржавчины, перегретых кабелей, газа, стряпни, *грызунов*». Отчетливый параллелизм описаний животного и человека провоцирует их отождествление: «(...) по пятну (...) света просеменила и скрылась с глаз долой *крыса*» [5, с. 14]. «В неожиданном свете Дондог предстал ночным животным, не слишком агрессивным, но до крайности неприглядным» [5, с. 10].

Безлюдные трущобы-лабиринты Сити, которыми блуждает Дондог, населены «(...) мертвецами, таркашами и недочеловеками» [5, с. 19], где «За дверями квартир то и дело слышно, как скрипят друг о друга тараканы» [5, с. 82]. Ведущий зооморфный мотив романа – образ таракана – сначала вводится в плане «ges» как параллель к образу жалкого узника, который освобожден из заточения и застыл «на грани небытия, на краю мерзкого коридора» [5, с. 29], перед тем как навсегда воссоединиться с «неживыми земными магмами» [5, с. 24]. Сравним: «Зачто Енный у него под каблуком таракан воспользовался случаем, чтобы освободиться. Он продолжал взбрыкивать под несусыпным присмотром близнецов-братьев, караулящих момент, когда он окончательно превратится в пищу» [5, с. 14]. Затем параллелизм сменяется сравнением: «(...) под каблуком Дондога, (...), *барахтался полураздавленный таракан*. (...), он был совсем как мы, он стремительно терял интерес к собственному будущему» [5, с. 9]. Или: «Прикончить двоих или троих и уж

потом *угаснуть*» [5, с. 15], – говорит Дондог; он же замечает «(...) *тараканов*, каждый из которых лез на другого в надежде его прикончить» [5, с. 18].

Затем сравнение метафоризируется, бестиарный образ переходит в план «verba», знаменуя отождествление человека и насекомого («таркаш», «как и все таркаши», «таркаший устав»). Насекомые, напротив, очеловечиваются: «(...) они, не сбавляя скорости, *перебрасывались репликами*. Им не нравилась Джесси Ло, и они в голос об этом заявляли» [5, с. 276]. Дондога же теперь прямо называют «насекомым» [5, с. 282], «жуком» [5, с. 283], его опасаются, словно он превратился в «какую-то непредсказуемую тварь» [5, с. 280]. Сам он, упав с лестницы, ощущает «свои сочленения» и понимает, что, «по счастью, (...), не повредил ни одного существенного сегмента» [5, с. 288].

«Омертвление», «замирание» охватывают и Дондога, и его зооморфных двойников, и других персонажей: Дондог «(...) представил тараканов, (...), неподвижных, как и он сам» [5, с. 8]). «Он не двигался в тошнотворной темноте. Словно до самой смерти ему уже не захочется пошевелиться» [5, с. 9]. Явная параллель к Дондогу – и таракан в сцене встречи Дондога и Маркони (тут «агонизировал, лежа на спине, таракан» [5, с. 193] – «как только недочеловек вроде Дондога проходит через ворота лагерей, в которых он провел всю жизнь, его охватывает отвращение к жизни и он умирает» [5, с. 193]).

Тенденция к омертвлению, неразличимости состояний жизни и смерти характеризует и других персонажей романа. « – Она жива? – спросил он. – Жива ли, не знаю. Во всяком случае, умереть она не умерла, это точно» [5, с. 13] (о Джесси Ло). «Порванные ... штаны» открывают «одеревеневшую желтую плоть» [5, с. 10] (о шаманке); Барток кажется «окаменевшим в плетеном кресле древним старцем» [5, с. 71]. Жертвы геноцида «ждут, мумифицированные ужасом и одиночеством, что придут их убийцы», «замерев в неподвижности»; «в летаргии» [5, с. 76]; впадают «в столбняк», чувствуют «паралич» [5, с. 91].

Альтернативой окончательному небытию выступает в романе не жизнь, а гниение «с живой стороны мироздания» [5, с. 26–27]. Тем, кто уже растворен «по ту сторону кромешной тьмы и смерти» [5, с. 28] (как учительница Дондога, мадам Аксенвуд, которая «лежит ... без бытия», «занимает место ниже всего» [5, с. 25]), остается только мечтать о состоянии «не-жизни», которое охарактеризовано через образы биологического распада. Активные участники процессов биологического распада – разнообразные насекомые: «чтобы жуэжлицы и навозники презрительно крошили ее, чтобы улитки с ленцой пережевывали, садовые улитки, слизни!.. Как бы ей хотелось вот так существовать, на пути разложения, конечно, но еще не совсем разложившись, (...)» [5, с. 27]. Часто грань между живым и неживым в романном мире А. Володиной нерелевантна: «Посреди темноты передвигались люди. Некоторые уже были убиты, другим это вот-вот предстояло» [5, с. 97]; Шлюм «(...) принимает скорость пресмыкания, не превышающую три метра в час, что мало даже для недочеловека или трупа» [5, с. 19].

Мир смерти в романе «Дондог» символизируют и многочисленные образы птиц: «(...) в воздух на несколько метров поднимались большие черные птицы» [5, с. 110–111]; «(...) вороны», свидетели насилия над Габриэлой Бруной, «с карканьем съезжали по шиферным плиткам» [5, с. 136]; «Огромные чайки с равнодушными глазами» [5, с. 66] наблюдали за Дондогом и его братом; дирижабль «сопровождали любопытные вороны, ласточки, галки» [5, с. 139].

С смертальною тематикою в романі «Дондог» пов'язан не тільки ентомологічний і орнітологічний бестиарій. Тематику смерті підтримує і образ собаки, котра (як і волк, з котрим порівнюється Шлюм, і кінь, перетворення в котрого переживає Габрієла Бруна) в найбільш древніх представленнях «асоціювалася з загробним світом – як його страж і провідник, доставляючий туди душі умерлих» [16]. Сам Дондог порівнюється з «псом в ночі». Во время «второго знищення уйбуров» нечеловеческий жах обречених на смерть і «онемевших» від страху людей передають звуки, видавані тваринами: «рвуться від страху овчарка Смоки»; «кльоще зубами і воеє від страху бойцовський пес Смерч» [5, с. 78]; «я слухав нескончаємий скулесж собак» [5, с. 78]. Самі ж люди безмолвні: вони ведуть себе «тише орди мертвеців» [5, с. 91], переживають перспективу звернутися в «отбросы і трупи» [5, с. 95]. В предсмертних видіннях Дондога «Какая-то тараканка» [5, с. 285] перетворюється в собаку (он дає їй імя Смоки, «собаки з свого дитинства, (...) завжди послухною і доброю к недочеловекам і дітям» [5, с. 285]). Совершив месть і завершив свій «текст», Дондог кров'ю виводить на стіні: «Кто не читав Дондога, не достоїн бути собакою» [5, с. 297]. Як помічає М. Епштейн, «зв'язок письма з жертвопринесенням – це не просто метафора, но факт, котрий пояснює походження культури. Чем древніше озброєння письма, тем більше воно нагадує озброєння битви або жертвопринесення – меч, резаць, ніж, іглу, стил. Писати – значить різати, колоти, пронизувати, поразити» [17, с. 25]. На межі життя і смерті, сну і реальності метафора буквалізується, отождествляючи кров в чорніла.

Висновки. Таким образом, зооморфізація, виступаючи частком смертальної теми роману «Дондог», семантично опирається на міфологічні структури (хтонічна міфологія насякомих, птахів, гризунів, волків як мешканців «нижнього світу», світу смерті). Численні маніфестації бестиарного дискурсу (зооморфні параллелі, порівняння, метафори і ідіоми; анімалістическі, антропозооморфні і оборотні образи) в романі «Дондог» виступають як засіб ідентифікації персонажа в постапокаліптичеському соціумі, антигуманна історическа практика котрого деперсоніфікує людину (знаком обезличенности і масовізації стаються мириади насякомих) і низводить його на нижні ступені тваринної еволюції (людина-таракан). Романний бестиарій послідовально втілює концепції «застылости», «неподвижности», «омертвенія», «не-життя», «смерті».

Перспективним представляється вивчення специфіки бестиарної поезії романів А. Володіна «Малі ангели» і «Бардо or not Бардо».

Література:

1. Володін А. Писать по-французски іностранный літературу / А. Володін // Володін А. Дондог / А. Володін. – СПб.: Амфора, 2010. – С. 324–335.
2. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : спец. 10.01.01 / А.Н. Воробьева. – Самара, 2009. – [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://dibase.ru/article/13042009_vorobyovaan.
3. Шишкина С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра / С.Г. Шишкина // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2007. – Вып. 2. – С. 199–208. – [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <https://www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2007/vgf-2007-02-199.pdf>.

4. Volodine A. Dondog / A. Volodine. – Paris : Seuil, 2002. – 365 p.
5. Володін А. Дондог : [роман] / А. Володін ; пер. с фр. В. Лапицкого. – СПб. : Амфора, 2010. – 351 с.
6. Lamarre M. La ruine de l'utopie du progrès au XXe siècle : une étude de l'espace et du temps dans Dondog d'Antoine Volodine / M. Lamarre // Écritures contemporaines 10 : La Représentation de l'histoire dans le roman contemporain. – Paris : Minard, 2009. – P. 343–361.
7. Roche A. Nos Volodines préférés / A. Roche [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://remue.net/spip.php?article1270>.
8. Ruff I. Le monde flottant où erre Dondog est un enfer fabuleux / I. Ruff // Le Temps. – Genève, 2002.
9. Ruffel L. Volodine post-exotique / L. Ruffel. – P. : Cécile Defaut, 2007. – 330 p.
10. Дмитриева Е. Французский писатель с русскими корнями: Антуан Володин – первый опыт русского прочтения: международный colloquium «Постэкзотизм Антуана Володіна» (Москва, апрель 2006 г.) / Е. Дмитриева // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 81. – [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/dm36.html>.
11. Пестерев В.А. Саморазвитие формы в романе Антуана Володіна «Малі ангели» / В.А. Пестерев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2011. – № 1 (9). – С. 155–170.
12. Лихина Н.Е. Бестиарный мотив в русской литературе / Н.Е. Лихина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 8. – С. 149–154.
13. Шаламов В. О моей прозе / В. Шаламов // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 58–66.
14. Кузнецова Л.В. Звериная самоидентификация современного российского киногероя: кот, медведь и волк / Л.В. Кузнецова // Бестиарий и стихи : сб. ст. – М. : Intrada, 2013. – С. 68–87.
15. Скард-Лапидус А. Постэкзотизм ... да, слово дико / А. Скард-Лапидус // А. Володін. Дондог / А. Володін. – СПб. : Амфора, 2010. – С. 333–349.
16. Трессиддер Дж. Словарь символов / Дж. Трессиддер. – М. : Фаир-Пресс, 1999. – 444 с. – [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/57311/Tressidder_Slovar_simvolov.html.
17. Эпштейн М.Н. Наброски по экологии текста / М.Н. Эпштейн // Комментарии. – М. – СПб., 1997. – № 13. – С. 3–41.

Вашенко Ю. А. Бестиарна образність як елемент смертальної теми роману А. Володіна «Дондог»

Анотація. У статті досліджено бестиарну поезію роману-дистопії А. Володіна «Дондог». Установлено, що зооморфна образність постає частиною смертальної теми роману й семантично апелює до міфології «нижнього світу» (таргани й інші комахи, кажани, шури, ворони, вовки), утілюючи концепції «нерухомості», «мертвотності», «не-життя», «смерті».

Ключові слова: Антуан Володін, «Дондог», постмодерна дистопія, бестиарна поезія, смертальні мотиви, антропозооморфізація.

Vashchenko Yu. The bestiary imagery as the element of mortality topic in "Dondog" by Antoine Volodine

Summary. The article studies the poetics of bestiariness of the Volodine's dystopian novel "Dondog". It was proved that zoomorphic parallels and metaphors are a part of mortality topic of the novel and semantically appeal to the mythology of the "lower world" (e. g. rats, cockroaches and other insects, ravens, wolves etc.), that embodies the concepts of 'numbness', 'mortification', 'non-life' and 'death'.

Key words: Antoine Volodine, "Dondog", postmodern dystopia, mortality topic, bestiary poetics, zoomorphic motifs, anthropozoomorphization.